

Часть первая

1

В детстве я всегда проводил летние каникулы в Швейцарии, у дедушки и бабушки. Мама отводила меня на вокзал и усаживала в вагон; если мне везло, то я ехал без пересадки и через шесть часов выходил на перрон, где меня уже поджидал дед, а если не везло, на границе приходилось делать пересадку. Один раз я перепутал поезд и сидел в вагоне, заливаясь слезами, пока добрый дядя-кондуктор не успокоил меня и через несколько остановок не пересадил на другой поезд, передав с рук на руки новому кондуктору, а тот переправил меня дальше, и вот так, по кондукторской эстафете, меня доставили на место.

Я любил ездить на поезде. Мне нравилось смотреть, как мимо пролетают селения, как сменяют друг друга пейзажи за окном, нравилось уютное купе, нравилось, что я такой самостоятельный. У меня был свой билет, свой документ, было что поесть и что почитать в дороге, я был сам по себе, и никто мне был не указ. В швейцарских поездах купейных вагонов не было. Зато все места были парные, у окна или у прохода, и тебе не грозило оказаться, как в купе, зажатым

Бернхард Шлинк. Возвращение

попутчиками с двух сторон. Да и светлые деревянные сиденья у швейцарцев были, на мой вкус, намного симпатичнее, чем красно-коричневая пластмассовая отделка у немцев, а серый цвет вагонов, надпись на трех языках «SBB — CFF — FFS»¹ и герб с белым крестом на красном поле выглядели намного благороднее грязновато-зеленой немецкой краски и надписи «DB»². Я гордился тем, что я наполовину швейцарец, хотя от неказистых немецких поездов веяло чем-то близким, родным, домашним, напоминая и неказистый городок, в котором жили я и мама, и неказистый люд, который нас там окружал.

Я доезжал до большого города на берегу озера, и там мое путешествие заканчивалось. Это была конечная станция, и мне нужно было просто идти вдоль перрона к вокзалу, ведь разминуться с дедушкой я никак не мог: он был большой и сильный, с пышными седыми усами и лысиной на голове, с темными глазами, одетый в светлый полотняный пиджак, с соломенной шляпой и тростью в руке. Он весь был сама надежность. Он остался для меня таким же огромным, даже когда я его перерос, и таким же сильным, даже когда он стал ходить, опираясь на палочку. Когда я стал студентом, он иногда по-прежнему

¹ SBB (Schweizerische Bundesbahnen) — CFF (Chemins de Fer Fédéraux Suisses) — FFS (Ferrovie Federali Svizzere) — сокр. «Швейцарские железные дороги» (согласно нем., фр., ит.). — Здесь и далее прим. пер.

² DB (Deutsche Bahn) — сокр. «Немецкие железные дороги» (нем.).

Часть первая

брал меня на улице за руку. Я немного стеснялся, но мне не было стыдно.

Дедушка и бабушка жили в одном из городков, растянувшихся по берегу озера, и при хорошей погоде мы с дедушкой садились не на поезд, а на пароход. Больше всего мне нравился большой старый колесный пароход, в самой середине которого находилась машина, и я зачарованно глядел, как в ней движутся бронзовые и стальные поршни и рычаги, блестящие от смазки. На пароходе было несколько палуб, открытых и закрытых. Мы стояли на передней палубе, дышали полной грудью и смотрели на маленькие городки, появлявшиеся один за другим на берегу и вновь исчезающие из виду; вокруг парохода кружили чайки, по озеру плавали, красуясь тугими парусами, яхты, и спортсмены на водных лыжах выделявали разные фигуры. Иногда из-за ближних гор показывались вершины Альп, и дедушка каждую из них называл по имени. Проложенная солнцем по глади воды световая дорожка, ярко искрившаяся посередине и распадавшаяся по краям на танцующие осколки, двигалась вместе с пароходом, и мне это казалось необъяснимым чудом. Я уверен, дедушка тогда объяснил мне природу такого оптического явления, и все же по сю пору я воспринимаю его как чудо. Световая дорожка начинается там, где как раз стою я.

В то лето, когда мне исполнилось восемь, у мамы не нашлось денег мне на билет. Она, уж не знаю как, отыскала водителя-дальнобойщика, и тот согласился довезти меня до границы и передать там с рук на руки другому водителю, который довезет меня до дедушки и бабушки.

Мы уговорились встретиться возле товарной станции железной дороги. Маме было некогда дожидаться, пока машина приедет; она поставила меня вместе с чемоданом перед воротами и строго-настрого наказала не отходить ни на шаг. Я ждал, тревожно вглядываясь в выезжавшие из ворот грузовики, а потом смотрел им вслед, одновременно успокоенный и разочарованный. Я раньше и не представлял себе, что они такие огромные, так громко рычат моторами и выпускают из выхлопной трубы такой вонючий черный дым. Настоящие чудовища.

Не знаю, сколько я тогда прождал. Часов у меня не было. Через какое-то время я уселся на чемодан и каждый раз вскакивал, когда очередной грузовик замедлял ход, словно собираясь остановиться. Наконец один грузовик затормозил рядом со мной, водитель поднял меня вместе

Часть первая

с чемоданом в кабину, а его напарник уложил меня на спальное место, расположенное за водительским креслом. Мне было сказано, чтобы я держал рот на замке, не высовывался головой над краем лежанки и спал. Было еще светло, но я не смог уснуть, даже когда стемнело. Поначалу водитель или его напарник время от времени оборачивались в мою сторону и ругались, если я высовывался. Потом они обо мне позабыли, и я спокойно глядел в окно.

Угол обзора был небольшой, но через боковое стекло со стороны напарника виден был закат солнца. Из разговора водителя с напарником я уловил какие-то обрывки: речь шла об американцах, о французах, о грузе и о деньгах. Я задремал под равномерный шум колес и мягкое потряхивание, пока грузовик ехал по дороге из больших бетонных плит, которыми в ту пору мостили автомагистрали. Скоро магистраль закончилась, и мы поехали по разбитой каменистой дороге. Из-за рытвин водителю приходилось постоянно переключать передачу. Эта ночная поездка выдалась беспокойной.

Грузовик время от времени останавливался, в кабину заглядывали какие-то люди, водитель с напарником выходили из машины, открывали задний борт и что-то двигали и переставляли в кузове. Иногда грузовик останавливался у фабрик и складов, где ярко светили лампы и звучали громкие голоса, иногда — на плохо освещенных или совсем темных заправках, парковках, а то и вовсе посреди поля. Должно быть, води-

Бернхард Шлинк. Возвращение

тель и его напарник занимались и собственными делами: наряду с основным грузом перевозили то ли контрабанду, то ли краденое, и поэтому весь путь занял намного больше времени, чем они рассчитывали.

Как бы то ни было, до границы мы добрались с опозданием, другой грузовик уже уехал, и мне пришлось несколько часов в предраcсветных сумерках просидеть на площади городка, названия которого я не запомнил. На площадь выходила церковь, там стояли два-три новых дома и несколько зданий с сорванными крышами и пустыми глазницами окон. С первыми лучами солнца на площади появились люди и развернули на ней рынок; они привезли с собой мешки, ящики и корзины на больших двухколесных тележках с плоской грузовой площадкой, в которые грузчики впрягались, накинув себе через плечо лямку. Меня всю ночь мучил страх: я боялся капитана и рулевого, управлявшего грузовиком, боялся нападения пиратов и несчастного случая, боялся, что захочу в уборную. Когда появились люди, я испугался, что кто-нибудь меня заметит и станет мной командовать, одновременно я боялся, что меня никто не заметит и никто обо мне не позаботится.

Когда солнце поднялось выше, я очутился на самом солнцепеке, но не решался отойти от скамейки, пока наконец рядом со мной у тротуара не затормозила легковая машина с откинутым верхом. Шофер остался в машине, его попутчица вышла, взяла мой чемодан и положила в ба-

Часть первая

гажник, а меня усадила на заднем сиденье. То ли из-за того, что машина была огромная, то ли из-за яркой одежды водителя и его спутницы, то ли из-за независимой манеры их поведения и легкости жестов, то ли из-за того, что, когда мы пересекли границу со Швейцарией, они купили мне мороженое, первое мороженое в моей жизни, но с тех самых пор я всякий раз вспоминал этих двоих, когда слышал о богатых людях или читал о них. Кто они были? Такие же контрабандисты или укрыватели краденого, как шофер-дальнобойщик? Одним словом, и с ними мне тоже было страшновато, хотя эти двое, сами еще молодые, обращались со мной ласково, словно с младшим братишкой, и доставили меня к бабушке и дедушке как раз к обеду.

Дедушкин дом был построен архитектором, который изрядно постраниствовал по белому свету. Далеко выступающая вперед крыша на искусно обтесанных деревянных подкосах, мощный эркер второго этажа, украшенный водостоками, балкон на третьем этаже и окна с полукруглыми кирпичными арками делали его похожим на колониальную усадьбу, испанский замок и романский монастырь одновременно. Причем одно с другим хорошо сочеталось.

Кроме того, все это скреплялось воедино еще и садом: слева росли две высокие ели, справа — огромная яблоня, впереди — старая и плотная живая изгородь, по правой стене дома вился дикий виноград. Сад был большой; улицу от дома отделяла лужайка, с правой стороны были разбиты овощные грядки с помидорами и фасолью, тянулись кусты малины, смородины и ежевики, там же находилась компостная куча, по левую сторону шла широкая, посыпанная гравием дорожка, которая сворачивала за дом, где находилась входная дверь, обрамленная двумя кустами гортензии. Когда мы с дедом по скрипучему гравию подходили к дому, бабушка, издав далеко слы-

Часть первая

шав наши шаги, распахивала дверь, прежде чем мы оказывались на крыльце.

Скрип гравия, жужжание пчел, стук мотыги или металлических граблей на огороде, запававшие мне в память с тех пор, как я проводил лето у бабушки с дедушкой, стали для меня звуками лета. Пахнет же лето горьковатым запахом нагретого солнцем самшита и гниловатыми испарениями компостной кучи. А летняя тишина — это тишина послеобеденной поры, когда не слышно ни детских голосов, ни собачьего лая, ни дуновения ветра. На улице, где стоял наш с мамой дом, всегда было оживленное движение; когда мимо проезжал трамвай или грузовик, у нас звенели оконные стекла, а когда строительные машины сносили разбомбленные соседние дома или работали на новостройке, в комнате дрожали полы. У дедушки и бабушки никакого транспорта не было и в помине, ни перед домом, ни в деревне. А если мимо проезжала запряженная лошадью телега, дед посылал меня за совком и ведром, и мы с ним неторопливо шествовали за подводой, собирая лошадиные яблоки для компостной кучи.

В этом городке имелся железнодорожный вокзал, пристань, несколько магазинов и две или три гостиницы, причем в ресторане одной из них алкоголя не подавали, и бабушка с дедушкой иногда водили меня туда по воскресеньям обедать. Дед ходил за покупками через день, следуя маршрутом от молочной лавки к сырной, потом к булочной и кооперативному продукто-

Бернхард Шлинк. Возвращение

вому магазину, заворачивая иногда в аптеку или к сапожнику. Дедушка ходил в светлой полотняной куртке и светлой полотняной кепке, в кармане куртки лежала книжечка, которую бабушка сшила ему из обрезков бумаги, в книжечку он записывал, что надо купить, в правой руке у него была палка, а левой он держал за руку меня. Я нес старую кожаную сумку, а поскольку мы ходили за покупками через день, она никогда не заполнялась доверху, и нести ее было не тяжело.

Быть может, дедушка ходил за покупками через день, чтобы доставить мне удовольствие? Я любил эти походы: любил запах аппенцеллерского и грейерцерского сыров в молочной и сырной лавках, запах свежего хлеба в булочной, мне нравилось изобилие товаров в продуктовом магазине. Он был намного красивее той лавчонки, в которую мама всегда посылала меня, потому что там нам отпускали товар в долг.

Совершив покупки, мы шли к озеру, кормили лебедей и уток остатками черствого хлеба и смотрели на проплывавшие по озеру, отходившие от пристани и причаливавшие пароходы. И здесь царил полный покой. Волны плескались о прибрежную стену, и этот чмокающий звук лета тоже запечатлелся в моей памяти.

А еще были звуки вечера и наступавшей ночи. Мне разрешали оставаться со взрослыми, пока не пропоет дрозд. Лежа в постели, я не слышал ни звука моторов, ни голосов; я слышал, как часы на церковной башне отбивали время,

Часть первая

слышал, как каждые полчаса по железной дороге между домом и озером проезжал поезд. Сначала вокзал, находившийся в верховье озера, звонком колокола сообщал вокзалу, находившемуся в низовье, что в его сторону направляется поезд, через несколько минут поезд проезжал мимо нас, и проходило еще несколько минут, прежде чем нижний вокзал сообщал верхнему, что поезд прибыл. Нижний вокзал находился от нас дальше, чем верхний; звук его колокола был еле слышен. Через полчаса проходил поезд, направлявшийся к верховью озера, и те же звуки повторялись в обратной последовательности. Сразу после полуночи проходил последний поезд. И потом до моего слуха доносился только шум ветра в деревьях и шуршащего по гравию дождя. А так царила полная тишина.

Лежа в постели, я никогда не слышал звука шагов по дорожке. Бабушка и дедушка никогда не ходили по вечерам и сами никого в гости не приглашали. Лишь проведя у них не одно лето, я понял, что они по вечерам работали.

Поначалу я не задумывался о том, на какие средства они жили. Мне было ясно, что они зарабатывали деньги не так, как мама, которая утром уходила из дому, а вечером возвращалась домой. Я видел, что многое из того, что у них подавалось на стол, было взято из собственного сада и огорода, однако ведь одним приусадебным хозяйством нельзя было прокормиться. Я даже знал, что такое пенсия, однако никогда не слышал, чтобы бабушка и дедушка жаловались на нехватку денег, как жаловались у нас в городе старики из нашего подъезда, которых я встречал в лавке, и поэтому я не понимал, что бабушка и дедушка тоже пенсионеры. Я вообще не задумывался, на что они живут.

После смерти деда остались его мемуары. И только из них я узнал, откуда он родом, чем занимался и на какие средства жил. Он много чего рассказывал мне во время наших прогулок

Часть первая

и пеших походов, но совсем ничего не рассказывал о себе. А ведь ему было что рассказать.

Он мог бы рассказать, например, об Америке. В девяностые годы девятнадцатого века отцу моего деда жизнь в деревне опостылела, после того как оползень разрушил его дом и погубил сад, и он, как многие из его деревни, вместе с женой и четырьмя детьми отправился в Америку. Он хотел, чтобы дети его стали настоящими американцами. На поезде они добрались до Базеля, оттуда на речном пароходе до Кёльна, а потом на поезде, на океанском пароходе и в повозке — соответственно до Гамбурга, Нью-Йорка, Ноксвилла и Хэндсборо: в мемуарах повествуется о величии достроенного Кёльнского собора, о просторах Люнебургской пустоши, о спокойном и о бурном море, о том, как они увидели статую Свободы, о встрече в Америке с родственниками, которые выехали туда много раньше и процветали или бедствовали. В Хэндсборо умерли сестра и брат моего деда, а жестокосердый родственник не разрешил, чтобы их похоронили на принадлежавшем ему кладбище, и их похоронили рядом с кладбищем, — наконец-то я понял, что означала фотография, висевшая в спальне стариков: на ней перед маленьким, уютным, обнесённым кованой решеткой кладбищем с каменными воротами виднелись две невзрачные могилки, огороженные досками. Эмигранты устроились в Америке, однако счастья им это не принесло. Их мучила тоска по родине, а эта болезнь иногда бывает смертельной.

Бернхард Шлинк. Возвращение

В мемуарах деда рассказано, как в деревенской церкви частенько оглашали прихожанам и записывали в церковную книгу, что такой-то человек умер от ностальгии в Висконсине, в Теннесси или в Орегоне. Через пять лет семья, уехавшая в Америку вшестером, вернулась на родину вчетвером, с теми же большими чемоданами, которые им сколотил деревенский столяр.

Моему дедушке было что рассказать об Италии и Франции. Побывав учеником у ткача и у прядильщика, он несколько лет проработал в Турине и Париже, и снова его мемуары повествуют о том, с каким интересом он осматривал достопримечательности и знакомился со страной и людьми, рассказывают о скудном жалованье, о нищенском жилье и о суевериях, царивших среди рабочих и работниц в Пьемонте, о конфликте между католицизмом и свободомыслием и об усилении национализма во Франции. И здесь тоже говорится о том, как его мучила тоска по родине. Потом он стал управляющим прядильной фабрикой в Швейцарии, женился и создал свой домашний очаг, купил дом в Швейцарии — наконец-то он зажил не вопреки собственной природе, а в согласии с нею.

Когда накануне Первой мировой войны он занял пост управляющего немецкой прядильной фабрикой, ему не пришлось покидать родные края. Он ездил на фабрику через границу и возвращался после работы домой — до тех пор, пока после Первой мировой войны из-за инфляции его жалованье не обесценилось и в Германии,

Часть первая

и особенно в Швейцарии. Он старался поскорее тратить жалованье на приобретение разных долговечных вещей, и у меня в доме до сих пор сохранилось одно из тяжелых шерстяных одеял, которые он в большом количестве приобрел по случаю при ликвидации немецкого лошадиного лазарета и которым действительно нет сносу. Однако лошадиными попонами не накормишь жену, чтобы она была здоровой и сильной, забеременела и родила ребенка, и тогда дедушка снова стал управляющим на швейцарской прядильной фабрике.

Он навсегда сохранил преданность немцам. Его издавна занимала судьба немцев за границей, — возможно, он считал, что они так же страдают от тоски по родине, как когда-то страдал он сам. Когда бабушка готовила еду, дед всегда ей помогал: он брал круглую металлическую сетку со свежeweымытым, мокрым салатом, выходил на порог дома и тряс ею, пока салат не высохнет. Нередко, выйдя на крыльцо, он застревал там надолго, и тогда бабушка посылала меня за ним. Я шел и заставал его сосредоточенно рассматривавшим капли воды, которые он разбрызгал на каменные плиты перед входом, когда размахивал сеткой.

«Что с тобой, дедушка?»

Капли на плитах напоминали ему о рассеянных по свету немцах.

После того как дедушка и бабушка пережили Первую мировую войну, грипп и инфляцию, после того как дедушка стал больше зарабаты-

Бернхард Шлинк. Возвращение

вать на процветающей швейцарской прядильной фабрике и, запатентовав два изобретения, с большой выгодой продал патенты, у них наконец-то родился сын. С этого момента на страницах дедушкиных записок то тут, то там обнаруживаются наклеенные фотографии: мой отец с бумажной шапочкой на голове, верхом на деревянной лошадке на палочке, вся семья за столом в садовом домике, мой отец в костюмчике и с галстуком в день поступления в гимназию, вся семья с велосипедами, одна нога на педали, другая — на земле, словно они вот-вот отправятся в путь. Несколько фотографий были просто заложены между страницами. Мой дедушка в школе, мой дедушка — молодой супруг, мой дедушка — пенсионер, мой дедушка за несколько лет до смерти. Взгляд у него всегда серьезный, печальный, он растерянно смотрит перед собой, словно не видя ничего вокруг. На последней фотографии у него изборозженное морщинами лицо, худая старческая шея торчит из широкого воротника рубашки, словно у черепахи из-под панциря; взгляд стал робким, а душа будто готова спрятаться за маской нелюдимости и чудачества. Однажды он рассказал мне, что всю жизнь страдал головными болями, боль шла от левого виска к затылку, «как перо на шляпе». Об изводивших его депрессиях он мне никогда не говорил, да он, пожалуй, и не знал, что и печаль, и растерянность, и страх могут быть диагнозом, у которого есть название, — да и кто тогда о таком помышлял! Впрочем, дело редко дохо-

Часть первая

дило до того, чтобы он не мог встать, что-то делать, работать.

Он вышел на пенсию в пятьдесят пять лет. На прядильной фабрике он зарабатывал себе на жизнь, но по-настоящему его интересовали история, общество и политика. Вместе с друзьями он купил газету и стал ее издателем. Однако газета в вопросе о швейцарском нейтралитете занимала позицию, противоположную общественному мнению, и, обладая лишь незначительными финансовыми средствами, не смогла выдержать конкурентную борьбу. Все это предприятие доставляло ему и его друзьям больше забот, чем радости, и через несколько лет газету пришлось закрыть. Однако газетная деятельность позволила деду установить контакт с книгоиздателями, и он вместе с бабушкой взялся за свою последнюю работу, которая заполняла все их вечера: они редактировали серию «Романы для удовольствия и приятного развлечения».

Своей любви к истории дедушка давал выход в чтении и в наших с ним прогулках. Ни одна прогулка, ни одно путешествие, ни один пеший поход, как он называл наши вылазки, не обходился без рассказов о событиях из швейцарской и немецкой истории, и в особенности — из истории войн. Его память была неистощимым кладезем, хранившим схемы баталий, которые он чертил тростью на земле: Моргартен, Земпах, Санкт-Якоб-на-Бирсе, Грансон, Муртен, Нанси, Мариньяно, Росбах, Лейтен, Цорндорф, Ватерлоо, Кениггрец, Седан, Танненберг и многие другие, названий которых я уже не помню. К тому же он обладал даром рассказывать живо и увлекательно.

У меня было несколько любимых сражений, историю которых я готов был слушать снова и снова. Во-первых, битва при Моргартене. Герцог Леопольд ведет за собой весь цвет австрийского рыцарства, ведет словно на охоту; он намерен одержать легкую победу, обратить в бегство якобы безоружных и не способных сопротивляться граждан Швейцарии и быстро захватить добычу. Однако швейцарцы закалены в борьбе и готовы

Часть первая

к бою. Они знают, за что сражаются: за свободу, за дом и семейный очаг, за жен и детей. Им известно, в каком направлении намерен ударить Леопольд. Рыцарь фон Хюненберг, добрый сосед и друг швейцарцев, послал в их лагерь стрелу из лука, привязав к ней пергаментную записку с предупреждением о грядущей опасности. И вот они затаились на горе в ожидании австрийского войска, которое должно пройти по узкой дороге между озером Этери и горой Моргартен. Когда австрийское войско струдилось на узком пространстве и всадники стали напирать друг на друга, вниз полетели обломки скал и стволы деревьев, и швейцарцы сбросили часть врагов в озеро, а потом ринулись в атаку и перебили остальных. Рыцари, пытавшиеся спастись вплавь, под тяжестью лат потонули и нашли свою могилу в пучине вод.

Меня впечатляла храбрость швейцарцев. В то же время меня волновал вопрос о стреле, посланной рыцарем фон Хюненбергом. Разве это не предательство? Разве предательство не приносило подвиг швейцарцев?

Дедушка кивнул:

— Твой отец меня тоже об этом спрашивал.

— Ну и что ты ответил?

— Рыцарь был свободным человеком. Он не обязан был держать сторону австрийцев, а мог встать на сторону швейцарцев или не вставать ни на чью сторону.

— Но ведь он не сражался на швейцарской стороне. Он действовал исподтишка.